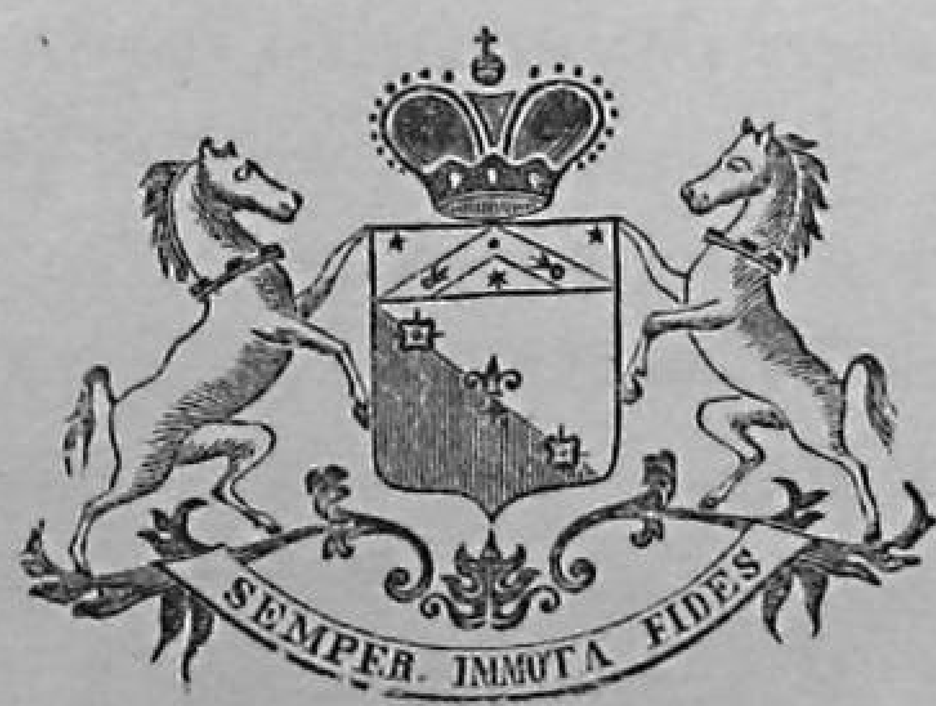
АРХИВЪ

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.



МОСКВА.
Типографія В. Готье, на Кузнецкомъ мосту, д. Торлецкаго.
1873.

Письмо вояжира изъ Риги.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПИСЬМА КЪ ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ РЕЗИДЕНТА СИМОЛИНА.

Изъ Регенсбурга отъ $^{1}/_{12}$ Августа 1758.

(Смотри выше, стр. 352).

Понеже секретарь Бранденбургскаго министра разослалъ по домамъ приложенную при семъ піесу подъ титломъ: *Письмо вояжира изъ Риги о состояніи Россійской арміи и генералитета*; то я принялъ смѣлость послать при семъ къ вашему сіятельству экземпляръ онаго. Сіе письмо заслуживаетъ всякаго пренебрегательства и содержитъ въ себѣ только порицанія и ложныя предъявленія, дабы тѣмъ уничтожить доброту нашихъ войскъ и достоинство генералитета, о которыхъ дерзновеннымъ образомъ несходственныя съ правдою разглашенія чинятся; искуство (*) ложное сего автора предъявленіе довольно изобличило и должно привести его въ стыдъ и конфузію; онъ не разсудилъ, какое отъ того безчестіе для войскъ короля Прускаго происходитъ; и естьли то, о чемъ онъ предъявляетъ основательно, то нималой въ томъ славы нѣтъ, чтобъ побивать такое худое войско. Но Прусаки, будучи въ ордерѣ баталіи, сами были разбиты, да и при всѣхъ ошибкахъ уступать принуждены, изъ чего публика натуральнымъ образомъ заключать должна, что оные еще хуже того войска, котораго храбрость и поступки они уничижать стараются.

(*) Т. е. опытъ. *П. Б.*

Письмо

ПУТЕШЕСТВУЮЩАГО ИЗЪ РИГИ, КОТОРЫМЪ ОПИСЫВАЕТСЯ СОСТОЯНІЕ РОССІЙСКОЙ АРМІИ И СВОЙСТВО КОМАНДИРОВЪ ОНОЙ, СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ О ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ, ВО ВРЕМЯ УЧИНЕННАГО НА КНЯЖЕСТВО ГАЛЬБЕРШТАТСКОЕ НАПАДЕНІЯ (*).

Государь мой!

Вы требуете отъ меня достовѣрнаго извѣстія о Россійской арміи, а требуете онаго по моей къ вамъ дружбѣ, отъ которой вы и всего ожидать можете. Я исполняю ваше желаніе, по колику я въ состояніи сіе исполнить, увѣдомляя васъ единственно о томъ, въ чемъ я самъ подлинно увѣренъ. Вы знаете, государь мой, что я человѣкъ не военный, а въ такомъ уваженіи вы и тѣ, коимъ вы иногда сіе извѣстіе для прочтенія сообщите, меня извинить благоволите, что я не само-прямыя военныя израженія употребляю.

Но прежде начатія о самой арміи описанія, позвольте мнѣ о Россійскихъ воинскихъ учрежденіяхъ нѣкоторыя примѣчанія учинить, для доказательства нижеизображеннаго необходимо нужныя, кои при семъ слѣдуютъ.

Россійскіе пѣхотные полки имѣютъ, по силѣ указовъ, дѣйствительно каждый полкъ, не считая штаба, состоять въ двухъ

(*) Сочинитель сего письма былъ явнымъ спіономъ при нашей арміи, которой чаятельно откуда нибудь съ хорошими рекомендаціями присланъ былъ, что подозрѣнія на него не имѣли. Впрочемъ все сіе письмо наполнено злостнымъ ругательствомъ и поношеніемъ арміи и генералитета. *Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.*

тысячахъ человѣкъ; но какъ такому полку никогда въ комплектѣ быть не можно и нельзя, то и подлиннаго исчисленія арміи по ея полкамъ, или полка по его ротамъ, учинить невозможно: ибо каждому полку, по содержанію регламента императора Петра Перваго, позволено, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, осьмую часть чиновъ при полку отъ сержанта до капитана порожнею оставлять.

А какъ нынѣ владѣющая Императрица прежніе указы отмѣнила и новый регламентъ установила, то и сіе обстоятельство уже перемѣнилось, и произвожденіе въ чины происходитъ по дивизіямъ отъ прапорщика и далѣе, не смотря на старшинство ни мало. Но фельдмаршалъ ихъ производитъ по своей волѣ, кого токмо хочетъ до подполковника, безъ апробаціи Военной Коллегіи, однакожъ не смѣетъ того упустить, чтобъ всегда при дивизіи его, подъ которымъ званіемъ вся въ его командѣ находящаяся армія разумѣется, шестая часть чиновъ отъ сержанта до полковника оставлена не была, дабы пріѣзжающіе изъ чужестранной службы офицеры тотчасъ опредѣляемы быть могли. А отъ того часто случается, что иногда при полку ни одного капитана нѣтъ, какъ я тому въ Псковскомъ пѣхотномъ полку самъ примѣръ видѣлъ.

Чрезъ каждые три мѣсяца бываетъ произвожденіе, а прежде того, хотя бы и порожніе чины были, не опредѣляютъ никого въ оные.

Пѣхотный полкъ, къ бою идущій, никогда не имѣетъ болѣе двухъ долей солдатъ, а третьей доли подлинно нѣтъ, потому что никакая армія столь не отягощена, какъ Россійская, чрезвычайнымъ багажемъ и множествомъ обозныхъ служителей. А какъ въ каждой ротѣ къ провіантскимъ телѣгамъ, къ возкѣ палатокъ и больныхъ, къ колясскамъ и амуничнымъ фурманамъ, солдаты приставлены, которые лошадей кормить должны, ибо малая оныхъ часть въ поле пускается; сверхъ же того капитанъ подъ именемъ государевыхъ дѣлъ къ собственнымъ своимъ услугамъ отъ десяти до двѣнадцати человѣкъ употребляетъ: то слѣдовательно и должно быть всегда при пѣхотномъ полку превеликому въ людяхъ недостатку.

Что до ихъ экзерциціи принадлежитъ, то оная еще весьма медлительна. Первая шеренга остается всегда сидя на колѣняхъ. Заряды ихъ весьма плохи, а хотя строеніе фрунтомъ у нихъ и введено, однакожъ пѣхотный полкъ насилу въ часъ построится и фрунтомъ стать можетъ, при чемъ однакожъ всегда безпорядки происходятъ. Пѣхотный полкъ имѣетъ только четыре знамя, то есть по два въ баталіонѣ, и двѣ полевыя пушки. Солдаты маршируютъ въ парадѣ далеко другъ отъ друга, въ четыре шеренги, такъ что между каждымъ человѣкомъ на шагъ мѣста есть. У каждаго полка везутъ на особливо къ тому сдѣланныхъ телѣгахъ множество рогатокъ для прикрытія оными всего фрунта полка; а сіе дѣлается изъ предосторожности, дабы конница въ ихъ пѣхоту ворваться не могла.

Главная ихъ арміи сила состоитъ въ гранодерскихъ полкахъ, и подлинно всѣ гранодеры люди плотные и сильные; но не имѣютъ они ни проворства, ни живости; также и гранодерскіе офицеры люди лучшіе, но только на Русскую стать. Я видалъ при гранодерскихъ полкахъ весьма многихъ разумныхъ людей, которые въ службѣ другихъ государей бывали и которыхъ я спрашивалъ, для чего они не вводятъ у себя того, что въ другихъ арміяхъ хорошаго находится; на что мнѣ капитанъ Энгельгардъ отвѣтствовалъ, что онъ было осмѣлился въ ротѣ своей начало тому сдѣлать, но что тѣмъ только пришелъ въ недружбу у большей части офицеровъ всего полка, и потому принужденъ былъ просить о переведеніи его въ другой полкъ, а стало ему оное болѣе ста рублевъ, тѣмъ наипаче, что Нѣмцы нынѣ въ маломъ почтеніи.

Протчая же ихъ пѣхота чрезмѣрно худа и самый оборышъ. Офицеры и унтеръ-офицеры имѣютъ при всей арміи ружья, а не эспонтоны, кромѣ полковъ въ гвардіи. Я не могу ихъ пѣхотныхъ полковъ ни съ какими плохими войсками сравнять; ибо едвали мѣщанскій полкъ у насъ не порядочнѣе экзерциціи свои дѣлаетъ, нежели ихъ пѣхотные полки, которые изъ Замосковья приведены. Но всякій полкъ снабженъ рогатками, на которыя они и верхъ своего счастія полагаютъ.

При Россійской арміи везутъ многочисленную артилерію

подъ вѣдомствомъ генералъ-лейтенанта Толстова, главнаго надъ артилерiею командира. Мнѣ случалось почасту съ нимъ разговаривать, и я усмотрѣлъ, что онъ искусный артилеристъ. Онъ велѣлъ въ цѣль стрѣлять, при которой пробѣ изъ тридцати выстрѣловъ только два не потрафили. Но сей генералъ, по собственному его признанiю, не былъ еще ни при одной баталiи, а только при осадѣ Очакова служилъ противъ Турокъ капитаномъ, подъ предводительствомъ генерала-фельдмаршала Миниха. Впрочемъ означенный генералъ Толстой обнадеживалъ меня, что до двухъ сотъ пушекъ считается той артилерiи, которая противъ Прусаковъ взята будетъ, считая при томъ и полевыя пушки, а сверхъ того имѣетъ за армiею слѣдовать и множество фалконетовъ.

Тотъ же самый генералъ съ жалобою отзывался, что съ того времени какъ генералъ-фельдмаршалъ Минихъ въ ссылку сосланъ, а генералъ Бисмаркъ умеръ, все къ солдатству принадлежащее въ упадокъ приходитъ, да и артилерiя не въ толь хорошемъ состоянiи находится, въ какомъ прежде бывала: но что совсѣмъ тѣмъ оную еще не хуже артилерiи всякаго другаго государя употреблять можно, хотя ему то весьма досадно, что артилерiйскiя лошади въ худомъ состоянiи, говоря при томъ точно въ сихъ словахъ: не хорошо, естьли командующiй генералъ особливаго и главнѣйшаго за артилерiйскими лошадьми смотрѣнiя не имѣетъ, хотя артилерiя есть душею армiи. А что лошади весьма плохи, то я и самъ видѣлъ.

Кирасирскихъ у нихъ полковъ всего на все шесть: пять изъ оныхъ имѣютъ въ Пруссiю маршировать, а шестой, то есть первый полкъ, называемый конною гвардiею, оставленъ въ С.-Петербургѣ. Первые два учреждены изстари и могутъ еще нѣкоторымъ образомъ за конные полки почитаемы быть, а называются вторымъ, или полкомъ Великаго Князя и третьимъ. Въ сихъ двухъ полкахъ находятся посредственныя, по по крайней мѣрѣ Нѣмецкiя лошади и укомплектованы оные какъ людьми, такъ и лошадьми на походѣ въ городахъ: Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ, Дерптѣ и Лименѣ, гдѣ у всѣхъ мѣщанъ каретныя лошади съ платою по шестидесяти рублевъ за каждую взяты были, не

разбирая лѣтъ и того, что они надорваны, ниже другихъ въ нихъ неспособностей, естьли оныя только по нашей мѣрѣ въ семь футовъ приходили и бродить еще могли. Для коросты или слѣпоты не отставляютъ никакой лошади, да и до тѣхъ поръ все держатъ, пока съ ногъ свалится; слѣдовательно и заключить можно, какая сволочь лошадей въ такомъ полку бываетъ. Вышеозначенные оба полка, а именно второй и третiй, дѣлали экзерцицiи свои по приказу господина генерала-лейтенанта князя Голицына, въ бригадѣ котораго они были. Строенiе ихъ эскадроновъ весьма мѣшкатно, а атака дѣлается не сильнѣе какъ рысью. Когда командировали: стой! оправься! то въ иномъ мѣстѣ находилось болѣе двѣнадцати шеренгъ, а въ другихъ такiя промежки, что въ оныя цѣлымъ взводомъ въѣхать можно было. Производилась при этомъ пальба цѣлыми шеренгами, но съ такою конфузiею, что я и понынѣ не знаю, что̀ бы оное быть имѣло: ибо весь полкъ въ кучу съѣхался, и многiя лошади споткнулись, и люди съ нихъ попадали. Не разумѣютъ они точности въ экзерцицiи, и все для нихъ равно, что одинъ рейтаръ на право, другой на лѣво, а третiй передъ себя смотритъ.

Что̀ же принадлежитъ до прочихъ трехъ полковъ, называются оные четвертымъ или Казанскимъ, пятымъ или Новогородскимъ, шестымъ или Астраханскимъ. Сiи три полка нынѣ только въ кирасирскiе передѣланы и не имѣютъ еще кирасовъ, а при Русскихъ лошадяхъ носятъ еще драгунскiй мундиръ; но нынѣ строятъ уже для нихъ и новые, и въ Москвѣ кирасы дѣлать заказано. Какъ же Казанскаго полку полковникъ Шванебургъ въ Ригу прiѣхалъ, и я съ нимъ особливую дружбу завелъ, то получилъ отъ него точное о сихъ трехъ полкахъ извѣстiе, что лошади ихъ въ кирасирскiя ни къ чему негодны, всѣ Русской породы, чрезмѣрно пужливы, не объѣзжаны, едва на лошадей похожи и бѣшенѣе гусарскихъ; что также къ нимъ для укомплектованiя и люди присланы, но всѣ Русскiе крестьяне; слѣдовательно я изъ того и заключить могу, что̀ онъ съ такими людьми и такою негодницею лошадей исправить въ состоянiи.

Вся ихъ конница имѣетъ шпаги, а не палаши. Въ полку пять

эстандартовъ, а въ эскадронѣ два трубача; нѣтъ у нихъ ни аудитора, ни полковаго квартирмейстера. А вообще только они по имени кирасиры. Рейтаръ не везетъ съ собою на лошади и эпанчи, но весь экипажъ лежитъ на телѣгахъ: ибо конной полкъ имѣетъ болѣе пѣхотнаго телѣгъ, на которыхъ они везутъ все, что̀ бы такое ни было, а особливо теперь суконныя свои шляпы и всѣ уже полученныя мундирныя вещи. Сверхъ того сіи три полка еще и лошадьми совсѣмъ не укомплектованы, которыя для нихъ изъ внутреннихъ Россійскихъ провинцій присланы быть имѣютъ.

Драгунскихъ полковъ находится при сей арміи числомъ двѣнадцать, изъ которыхъ мнѣ случилось одинъ на походѣ чрезъ Ригу видѣть. Я имѣю объ нихъ только объявить, что они и званія конницы не заслуживаютъ, какъ по людямъ, такъ и по лошадямъ, которыя хуже лошадей Нѣмецкихъ гусаръ, да и офицеры ихъ весьма просты, такъ что глупые Русскіе при другихъ полкахъ офицеры пословицу у себя завели: *онъ глупъ какъ драгунскій офицеръ.* Наиболѣе же неисправности сихъ полковъ причиною то, что оные по часту и въ десять лѣтъ не сводятся, но завсегда по Татарскимъ, Турецкимъ и Польскимъ границамъ раскомандированы, и то уже близко, естьли полкъ на разстояніи ста миль расположенъ. Драгуны бываютъ верхами въ колетахъ, а пѣшіе носятъ одни синіе кафтаны съ красными обшлагами и лосинными камзолами.

Гусары суть лучшею ихъ кавалеріею, и какъ я весь Молдавскій полкъ видѣлъ, то долженъ признаться, что оные еще довольно порядочны; совсѣмъ тѣмъ нашелъ я великую разницу между сими и другими гусарами. Весьма у нихъ недостаетъ порядку, равенства, живости, какъ у офицеровъ, такъ и у рядовыхъ, и ученія. Сколько до ихъ лошадей касается, то видѣлъ я оныя въ добромъ состояніи, ибо въ Россіи каждый гусаръ изъ жалованья своего, ста двадцати рублевъ, долженъ самъ себѣ промышлять лошадь, мундиръ, ружье и прочее. А все то прочно потому, что онъ все собственнымъ его иждивеніемъ содержать долженъ. Офицеры ихъ разумѣютъ, сколько я примѣтилъ, весьма мало о патрулях, о рекогносцированіи и засадахъ; ибо

ихъ ничему такому не учатъ, да у нихъ того и не спрашиваютъ.

Калмыки суть по виду и по храбрости изъ лучшихъ ихъ нерегулярныхъ войскъ. Они почти всѣ одинъ на другаго похожи, какъ родные братья, а дѣйствуютъ безъ всякаго порядка. Оружіе ихъ состоитъ въ копьѣ, въ саблѣ и лукѣ съ стрѣлами. Также имѣютъ они и лучшихъ лошадей, а каждый по двѣ. Я видѣлъ оныхъ въ хорошемъ состояніи, и они къ понесенію великихъ трудовъ привычны.

Казаки, коихъ у нихъ множество, служатъ, по собственному ихъ объявленію, токмо къ тому, чтобъ непріятеля безпрестанно тревожить и безпокоить, за онымъ присматривать и въ страхѣ содержать отъ нечаяннаго ихъ нападенія. Между тѣмъ командующій генералъ совсѣмъ о томъ не думаетъ, много ли или мало сего сброду въ походъ пойдетъ. Межъ всѣми казаками Донскіе почитаются за лучшихъ по искусству и по храбрости. Сколькоже ихъ дѣйствительно есть, я не могу точно объявить, ибо и собственные ихъ генералы того не знаютъ. Я самъ въ Сегуренѣ въ Польшѣ встрѣтилъ команду, состоящую изъ осьми сотъ казаковъ, кои изъ за Кіева были; они имѣли негодныхъ крестьянскихъ лошадей, которыя на силу бродить могли. Оружіе всѣхъ казаковъ, какъ я о томъ освѣдомился, состоитъ въ одномъ копьѣ, у сѣдла нѣтъ у нихъ пистолетъ, а имѣютъ оные при себѣ, иные по одному, иные по два, у иныхъ же есть и по фузеѣ, а почти у всякаго по саблѣ. Походъ ихъ происходитъ весьма непорядочно, а восемь сотъ человѣкъ едва ли не занимаютъ полу-мили. Атака ихъ бываетъ по Турецкому обыкновенію, толпою и безъ шеренгъ, о которыхъ они и слушать не хотятъ. Казаки имѣютъ по большой части по двѣ лошади; ружья свои заряжаютъ они изъ рожка, а пули держатъ въ кошелькѣ. Всю свою надежду полагаютъ они на предводителя своего, которому надъ всѣми казаками команда поручена. Имя ему Краснощековъ, а чинъ бригадирскій. Они говорятъ, яко бы онъ ворожить умѣетъ, а сіе самое утверждаютъ и нѣкоторые генералы, ибо генералъ-аншефъ Лопухинъ за подлинно меня о томъ обнадеживалъ; а какъ я ему на то

сказалъ, что въ Германіи ворожеямъ быть не вѣрятъ, то отвѣтствовалъ онъ мнѣ: какъ то статься можетъ, чтобъ такому подлинному дѣлу не вѣрить? Послѣ того имѣлъ я случай часто видаться и разговаривать съ симъ толь славнымъ наѣздникомъ Краснощековымъ; ибо на праздникъ Святыя Пасхи съѣхались къ фельдмаршалу для поздравленія, по Россійскому обыкновенію, всѣ казацкіе и Калмыцкіе начальники, и онъ Краснощековъ прожилъ тамо болѣе недѣли. Но вся его премудрость состояла только въ томъ, что онъ своимъ копьемъ и изъ своего лука разстояніемъ на пушечный выстрѣлъ попасть можетъ, такожъ и въ томъ, что онъ предъявлялъ, что ни отъ кого пардона не приметъ. Я спрашивалъ его, какимъ образомъ онъ разъѣзды свои предпринимаетъ; на что онъ сказалъ мнѣ, что сіе легко учинить можно и тогда, когда непріятель усмотрѣнъ и свѣдано будетъ, сколь оный силенъ. На дальнѣйшій мой вопросъ, при многихъ ли онъ кампаніяхъ присутствовалъ, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, что онъ былъ въ Турецкую войну подъ Очаковомъ. Я просилъ его, чтобъ онъ мнѣ нѣсколько разсказалъ о своемъ удальствѣ. Онъ увѣдомилъ меня, что единожды съ тысячью человѣками сто человѣкъ Турокъ въ полонъ взялъ напавъ на нихъ въ лѣсу на спящихъ и принудилъ ихъ въ полонъ къ нему отдаться. Какимъ же образомъ разъѣзжать въ партіи, нашелъ я, что онъ ничего не знаетъ; особливо жъ не хотѣлъ онъ и слышать о томъ, чтобъ ночью дѣйствовать, говоря, что онъ такимъ образомъ со всѣми своими войсками пропасть можетъ: чортъ-де узнаетъ ночью чужаго. И какъ я весьма мало премудрости примѣтилъ въ семъ казакѣ, въ толь великой знатности находящемся, то освѣдомлялся я у генерала-маіора Вильбоа, что̀ тому за причина̀. Онъ мнѣ открылъ, что отецъ его Россійской имперіи долго служилъ и противу Турокъ, Поляковъ и Шведовъ, во всѣхъ походахъ присутствуя, храбро поступалъ. Слѣпыя его удальства удавались ему всегда, какъ по превосходящей силѣ, такъ и по счастію его; чего ради думаютъ, что и сыну также удаваться будетъ. Но по большей части способствовало къ его знатности свойство съ Разумовскимъ.

Какъ я часто случай имѣлъ съ генералами разсуждать о порядкѣ ихъ въ произвожденіи войны, то вся ихъ надежда о побѣдѣ полагается на превосходящую силу ихъ арміи, и они говорятъ, что пѣхота ихъ отъ непріятельской конницы по причинѣ рогатокъ безопасна; но по моему мнѣнію, при счастливой пушечной пальбѣ, сіи рогатки больше вредительны, нежели полезны быть могутъ. Имѣющійся при ихъ конницѣ въ добротѣ недостатокъ награждается множественнымъ числомъ: ибо они при всякихъ случаяхъ кираспровъ своихъ супротивъ ставить будутъ, а сзади-во фланки и гдѣ только мѣсто случилось бы драгунами, гусарами, Калмыками и казаками нападенія чинить станутъ, отъ чего непріятель въ конфузію наконецъ приходить долженъ. Ихъ гранодеры и пѣхота уже всѣмъ другимъ сопротивляться будутъ и конечно ни на одинъ шагъ не отступятъ, въ чемъ уже обнадежены. Артилерія ихъ, говорятъ они, также хороша, какъ и Пруская, буде еще не лучше, и слѣдовательно не предвидятъ они, что̀ бы имъ воспрепятствовало побѣдить ту маленькую армію, которая въ Пруссіи находится.

Россійская армія имѣетъ невѣроятно великій обозъ и, какъ я однажды съ генераломъ-маіоромъ Веймаромъ исчислялъ, то вышло болѣе пятидесяти тысячь колясокъ и телѣгъ при всей арміи. А какъ по меньшей мѣрѣ половину изъ того обоза, или добрыя двѣ трети, солдаты везутъ, то слѣдовательно изъ того разсудить можно и о превеликомъ въ людяхъ недостаткѣ и о чрезмѣрно великомъ прикрытіи такого багажа, который никогда настоящимъ образомъ прикрыть нельзя. Всѣ ихъ походы какъ пѣхоты, такъ и конницы, чинятся всегда въ великомъ безпорядкѣ, и большее ихъ счастіе, что они множество легкихъ войскъ имѣютъ, которые оберегаютъ ихъ отъ нападенія; инакоже легко было бъ однимъ эскадрономъ хорошей конницы два ихъ полка разбить: ибо два полка у нихъ на походѣ такую дистанцію дѣлаютъ, какую у другихъ едвали и десять полковъ займутъ. Они не знаютъ никакого скораго похода, какъ со всѣмъ ихъ обозомъ. Построиться въ шеренги надобенъ имъ цѣлый часъ, пока они то сдѣлаютъ; да и совсѣмъ тѣмъ не могутъ они безъ замѣшательства построиться. Драгунскія ихъ лошади такъ нуж-

ливы, что они никакого огня снести не могутъ и генерально никакого нападенія отъ чужой конницы выдержать не въ состояніи. Въ ночное время они сверхъ того весьма безопасны, и въ оное никогда непріятеля не атакуютъ. О лагеряхъ ихъ не могу я никакого основательнаго извѣстія подать. Сіе только я отъ нихъ самихъ слышалъ, что они завсегда себя рогатками обставливаютъ и тотчасъ выкапываемыми рвами возможнѣйше себя укрѣпляютъ, хотя бъ то и на одну ночь только было. Между тѣмъ сего, кажется, довольно о войскахъ вообще, колико я оныя спознать могъ.

Теперь я стараться буду учинить вамъ по моему усмотрѣнію краткое описаніе знатнѣйшихъ офицеровъ между Россіянами.

Командующій фельдмаршалъ, графъ Апраксинъ, человѣкъ въ наилучшихъ своихъ лѣтахъ. Устремленіе его простирается къ тому, чтобъ имѣть для своей персоны чрезмѣрно великій штатъ и экипажъ. И какъ я съ нимъ ежеденно разговаривалъ по часу времени, то я заподлинно примѣтилъ, что онъ не имѣетъ и въ теоріи знанія, которое фельдмаршалу принадлежитъ; въ практикѣ же того и быть не можетъ: ибо онъ нигдѣ не бывалъ какъ только подъ Очаковымъ; но весь его разумъ состоитъ въ томъ, что онъ думаетъ людей своихъ къ смѣлому бою преклонить. Соблюденіе людей и лошадей малѣйшее его попеченіе, да и онъ самъ, сказать такъ, водится какъ на ниткѣ генераломъ Веймарномъ, которому онъ совсѣмъ предалъ себя и который всѣмъ управляетъ.

Сей генералъ Веймарнъ человѣкъ искусный и находился завсегда при господинѣ генералѣ фельдмаршалѣ Кейтѣ за генеральсь-адъютанта. Онъ имѣетъ теоріею великое понятіе о всѣхъ къ войнѣ принадлежащихъ наукахъ и съ генераломъ аншефомъ Ливеномъ у Россіянъ почитается за оракула.

Генералъ-аншефъ Лопухинъ въ военномъ дѣлѣ мало искусенъ, и всѣ его упражненія не состоятъ ни въ чемъ больше какъ въ кушаньѣ. Весь день онъ играетъ въ карты, а при томъ весьма много пьетъ. Сей генералъ 30 числа Августа 1757 г. въ баталіи при Гросъ-егерсдорфѣ въ Пруссіи попался въ полонъ, но вскорѣ умеръ отъ своихъ ранъ.

Генералъ-аншефъ Ливенъ человѣкъ, котораго почти и считать не должно, ибо тяжкая его болѣзнь препятствуетъ ему имѣть разумныя мысли. Въ разсужденіи долгой его службы, почитаютъ они его божкомъ. Онъ вездѣ былъ, какъ при Очаковѣ, въ Вильманстрандѣ противу Шведовъ и въ Богеміи. Я почти у него каждый вечеръ былъ и дѣйствительно нашелъ, что онъ о соблюденіи людей и лошадей по Россійскому обыкновенію еще нарочито попеченіе имѣетъ; но я его не почитаю такимъ, чтобъ онъ способенъ былъ къ произведенію великихъ дѣлъ, еже я примѣтилъ изъ многихъ его разговоровъ съ генераломъ Сентъ-Андре, который ему невѣроятную дичь бралъ, находя у него тому вѣру и похвалу; а какъ я думалъ, что онъ то изъ учтивости дѣлаетъ, то я при томъ и оставался. Но какъ я на другой день разсуждалъ съ нимъ о разговорахъ генерала Сентъ-Андре, то хотѣлъ меня генералъ-аншефъ Ливенъ о правдѣ оныхъ увѣрить, но показалъ единственно только черезъ то много слабости.

Генералъ-аншефа Фермора я не могъ случая имѣть спознать, потому что онъ завсегда въ Петербургѣ находился. А какъ я слышалъ, то будто онъ преемникъ покойнаго фельдмаршала Миниха и дѣйствительно человѣкъ искусный и великій инженеръ.

Съ генераломъ-аншефомъ Брауномъ я нѣсколько разъ случай имѣлъ какъ въ Митавѣ, такъ и въ Ригѣ видаться. И я примѣтилъ, что онъ также весьма слабаго духа и нигдѣ не служивалъ кромѣ Россіи. Онъ первый былъ изъ Россійскихъ генераловъ, съ которыми я говорилъ. Сей человѣкъ дѣйствительно расхвалилъ мнѣ ихъ конницу, такъ что она, по сказкѣ его, Пруской ни въ чемъ не уступаетъ. Я потомъ освѣдомлялся объ немъ у другихъ, кои его знаютъ, но они его не весьма хвалили.

Генералъ-поручикъ князь Голицынъ человѣкъ, которой никогда о солдатскомъ дѣлѣ не думывалъ, но съ самыхъ младыхъ своихъ лѣтъ при дворѣ находился и посыланъ былъ въ Гамбургъ какъ императорскій камергеръ и резидентъ. Онъ мнѣ самъ признался, коимъ образомъ онъ весьма обезпокоенъ тѣмъ, что онъ теперь принужденъ быть солдатомъ, ибо онъ никогда

съ молодыхъ своихъ лѣтъ солдатскому искуству не обучался; вообще сказать, что онъ весьма тихій человѣкъ, который не имѣетъ совсѣмъ никакой теоріи, наименьше же практики.

Генералъ-поручикъ Ливенъ первый, который имѣетъ команду надъ Смоленскою колонною, лучшій изъ всѣхъ трехъ братьевъ. Онъ мнѣ и въ Варшавѣ графомъ Брилемъ и генераломъ Шперке восхваленъ былъ за единаго изъ Россійскихъ генераловъ искуснаго, но я его никогда не видалъ. Фельдмаршалъ же до него не добръ за то, что онъ съ нѣкоторымъ полковникомъ его колонны, родственникомъ фельдмаршальскимъ, побранился.

О генералѣ-поручикѣ Толстомъ я уже выше сего описаніе сдѣлалъ, сколько мнѣ возможно было.

Генералъ-маіоръ князь Долгоруковъ напослѣдокъ въ Ригу пріѣхалъ. Онъ будетъ конницею командовать, и сказываютъ, что весьма храбрый человѣкъ, но мало искуства имѣетъ; о диспозиціяхъ онъ будто мало разумѣетъ, а въ скорой резолюціи великій у него недостатокъ. Военные движенія и повороты не значатъ у него ничего.

Генералъ Вильбоа еще молодой господинъ, который только подъ Вильманстрандомъ находился; но онъ весьма старался учинить себя способнымъ къ службѣ, и по моему разсужденію нашелъ я, что онъ человѣкъ великаго проницанія, которой дѣйствительно способность имѣетъ къ великимъ диспозиціямъ. Но онъ мнѣ самъ признался, что при нынѣшнемъ учрежденіи ко всему у него охота пропадаетъ, употребя сіи слова: „Чортъ ихъ возьми! Здѣсь надлежитъ такимъ глупцемъ притворяться, каковы другіе суть, буде не похочется всѣхъ непріятелями себѣ сдѣлать“.

Графъ Румянцовъ также молодой господинъ, которой однакожъ чрезмѣрно старался къ службѣ годнымъ себя учинить и которой дѣйствительно въ оной службѣ многія чрезвычайныя теоретическія знанія имѣетъ и, однимъ словомъ, искуснѣйшій ихъ генералъ. Я съ нимъ неоднократно разговаривалъ о службѣ легкихъ войскъ, въ чемъ онъ совершенный подражатель бригадира Турпина, но я нахожу, что онъ во всѣхъ его предпріятіяхъ горячъ и совсѣмъ умѣренности не имѣетъ.

Генералъ-маіоръ Панинъ человѣкъ лѣтъ тридцати, которой ничего больше не разумѣетъ, кромѣ простой экзерциціи, въ чемъ онъ самъ мнѣ признался. Онъ съ молодыхъ лѣтъ при дворѣ находился, а потомъ полковникомъ и генераломъ сдѣланъ. Онъ говорилъ: „Я болѣе ни о чемъ не забочусь. Для чего меня въ генералы произвели и солдатомъ сдѣлали? Я ихъ о томъ не просилъ; я доволенъ, когда я могу полкъ обучать“.

Князь Любомирскій, находившійся предъ симъ въ Австрійской службѣ, весьма вертопрашный человѣкъ, безъ размышленія и разсужденія, и за такого онъ отъ многихъ почитается. Я съ нимъ единожды только говорилъ, и онъ ручался мнѣ, что онъ съ однимъ Австрійскимъ кирасирскимъ полкомъ разобьетъ три полка другой державы, изъ чего точно познавается его слабость.

Генерала-маіора Штофеля я никогда не видалъ, однакожъ онъ многими похваляемъ былъ, что онъ искусный человѣкъ, которой дѣйствительно должность свою разумѣетъ, особливо же при конницѣ. Онъ будто ученикъ покойнаго генерала Бисмарка, но не всѣ его похваляютъ. Генералъ Вильбоа главнѣйше порочитъ его во многомъ и поставляетъ его слабымъ.

Генералъ-маіоръ Цеге-фонъ-Мантейфель находился долгое время внѣ службы, а при нынѣшнихъ обстоятельствахъ паки въ оную вступилъ и не за долго предъ походомъ генералъ-маіоромъ пожалованъ; но человѣкъ неимѣющій знанія ни въ маломъ, ниже въ большомъ; поведеніе его ласково и пріятно, а служба малѣйшее его попеченіе. Онъ говоритъ: „что они мнѣ прикажутъ, то я сдѣлаю, и мою бригаду чортъ не возьметъ“.

Бригадиръ Нумерсъ кромѣ Россіи нигдѣ не служилъ и слабаго духа.

Генералъ-кригсъ-комисаръ Карабановъ также генералъ-маіоромъ, но ни до чего дѣла ему нѣтъ кромѣ казны.

Бригадиръ *Плейренковъ* (*) препростой человѣкъ.

Фельдмаршалъ всю свою надежду полагаетъ на нѣкотораго полковника Бюлова, которой, въ Саксонской службѣ находясь,

(*) Ошибка въ имени. *Примѣчаніе графа Михаила Ларіоновича Воронцова.*

получилъ свой абшидъ и не прося онаго. Онъ походитъ на бродягу, но я весьма много вѣтру, а мало существительнаго въ немъ нахожу. Онъ предъявляетъ, что онъ единственно при конницѣ служить умѣетъ. Всѣ его мнѣнія противны службамъ другихъ государей; не нравится ему ничего ни въ ихъ конницѣ, ниже въ пѣхотѣ. Я съ Саксонскимъ генераломъ Шперке объ немъ говорилъ, которой сдѣлалъ мнѣ описаніе объ немъ слѣдующими словами: онъ вертопрахъ, не разумѣетъ ничего, но можетъ жителей цѣлой земли между собою стравить.

Сверхъ же того есть у нихъ новый наѣздникъ, которой началъ набирать себѣ полный корпусъ, и люди онаго одѣты какъ гусары, носятъ желтыя шубы и большія шапки съ красными шнурами. Сей человѣкъ не имѣетъ и столько разума, чтобъ онъ въ другихъ службахъ капраломъ быть могъ. Но онъ карточною игрою много денегъ накопилъ и, какъ сказываютъ, подаря фельдмаршалу рублей съ двѣсти, сдѣлался маіоромъ и имѣетъ командовать вольнымъ корпусомъ. Зовутъ его *Скослъ-Гакомъ* (*), а родомъ онъ Венгерецъ.

Россійская военная канцелярія состоитъ слишкомъ въ пятидесяти персонахъ, не считая другихъ канцелярій, и находится подъ управленіемъ полковника Черепова, что̀ принадлежитъ до Россійскихъ дѣлъ; а по иностраннымъ дѣламъ нынѣшній генералъ Веймарнъ и подъ нимъ порутчики Гермерсъ и Сакенъ. Въ десяти Нѣмецкихъ арміяхъ столько не пишется, сколько у одного только генералъ-аншефа и при фельдмаршальской арміи нынѣ пишутъ. Изъ чего можно заключить, какое въ фельдмаршальской канцеляріи непонятное маранье происходитъ: ибо ничего безъ письменнаго ордера учиниться не можетъ.

Инженерный генералъ Дебоскетъ человѣкъ уже въ лѣтахъ, да и не весьма за искуснаго почитается. Но не задолго предъ походомъ одинъ полковникъ изъ Французской службы пріѣхалъ, именемъ Дюмолиль; объ немъ великая слава была, и они тотъ часъ его въ службу приняли. Онъ предъявляетъ, что онъ при осьмнадцати осадахъ находился, и осаду Бергенопцома онъ же производилъ.

(*) Жвятка, часто игрывалъ въ карты при дворѣ. *Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.*

Вотъ вамъ, мой господинъ, то, что̀ я къ собственному моему удовольствію развѣдать старался. Я уповаю, что вы, можетъ быть, изъ того точнѣйшее понятіе сдѣлать себѣ можете о сей по предъявленію страшной силѣ, нежели бъ вы то сдѣлать могли по извѣстіямъ, въ публичныя вѣдомости вносимымъ.

Между тѣмъ мнѣ пріятно было, что вы подали случай повторить вамъ письменно засвидѣтельствованіе о томъ, что я съ обязательнѣйшею преданностію есмь и пр.

Въ Ригѣ
8 Ноября 1757 года.

Общія извѣстія о Французской арміи.

Дюкъ де-Ришелье долженъ маршальское свое достоинство дюшессѣ де-Помпадуръ и ея признанію причесть, потому что она сама чрезъ него королю подведена. Онъ былъ причиною ея во Франціи власти, какую онъ по ней имѣлъ въ Германіи. Впротчемъ же онъ не великій генералъ и не искусный офицеръ. Французы не были имъ довольны, напротивъ чего они маршала Детре гораздо больше хвалили. Дюкъ де-Ришелье имѣетъ знатныя маетности, но въ томъ онъ со многими великими людьми сходенъ, что долгами отягощенъ. Можетъ быть, что изъ сего заключить не трудно, для чего онъ во время кампаніи болѣе о денежныхъ, нежели о другихъ военныхъ завоеваніяхъ стараніе прилагалъ; въ разговорахъ своихъ, въ которыхъ онъ умѣлъ о духѣ каждаго человѣка разсуждать, бываетъ онъ иногда пріятенъ, иногда сбивается на старину, а иногда хвастаетъ. Какъ онъ, сидя за столомъ, о Субизовомъ уронѣ вѣдомость получилъ, то и сказалъ: мнѣ надлежитъ за него отомстить, и ушелъ потомъ изъ за стола великими шагами. Горы рождаютъ смѣхъ.

Сынъ его дюкъ де-Фронзакъ младой человѣкъ, но доброй надежды, пріятенъ и живъ.

Принцъ де-Субизъ и графъ де-Роганъ, соперникъ маршала де-Ришелье, имѣетъ также госпожу де-Помпадуръ подпорою своего счастія. Сказываютъ, что между имъ и маршаломъ особливаго согласія нѣтъ. Но въ томъ онъ дюку де-Ришелье сходенъ, что не великой генералъ и слѣдовательно въ повѣренномъ ему чинѣ довольнаго искуства не имѣетъ, какъ то нѣкоторымъ образомъ доказываетъ распоряженіе его, въ 5 день Ноября учиненное. Совсѣмъ тѣмъ онъ трудолюбивѣе дюка, которой болѣе

человѣкъ сластолюбивой, нежели военной. Съ пятаго Ноября принцъ Субизъ сдѣлался предметомъ ненависти всей арміи. Каждый его хулитъ. Вы знаете Французовъ: на все дѣлаютъ они пѣсенки, изъ которыхъ одна здѣсь слѣдуетъ:

Карлъ де-Роганъ, принцъ де-Субизъ воюющій,
Но бражной видъ ты Гальскій воинъ имѣющій,
Не тебя ли Фридрихъ разбилъ?
Подлинно ты въ бѣгъ обращенъ былъ.
Галлы, обыкшіе капріоли ногами размѣрять,
Лучше нежели въ схваткахъ бодрость вперять,
Побѣгайте съ вѣщаніемъ къ Ришиліе,
Чтобъ, себя Богу препоруча, отложилъ веселіе.

Сентъ-Жермень, при Субизовомъ корпусѣ находящійся, былъ лучшею сего принца подпорою; онъ хорошій генералъ, а можетъ быть и лучшій при Французской арміи.

Принцъ де-Конде есть почти лучшій при арміи красавецъ, статенъ и имѣетъ изрядныя въ лицѣ краски. Онъ назначенъ Субизу зятемъ, а притомъ на будущую весну командующимъ генераломъ его конницы. Но 5-го Ноября будущій его тесть сдѣлалъ ему такую милость, что ожидаемую имъ команду весьма облегчить изволилъ.

Принцъ де-Ламаршъ назначенъ также съ другой стороны на будущую весну главнокомандующимъ генераломъ Ришельевой конницы, а можетъ быть и дюкъ счастіе возъимѣетъ ему команду облегчить по примѣру Субиза, въ разсужденіи принца де-Конде.

Брогліо, которой 5-го Октября къ Субизу прибылъ, 6-го Ноября потомъ убитъ, былъ изрядный солдатъ и изъ лучшихъ генераловъ, въ числѣ тѣхъ, кои у Ришелье находились.

Дюкъ-де Шеврезъ, командиръ бывшаго при Ашерслебенѣ корпуса, изряднаго виду, ростомъ высокъ и статенъ. О искуствѣ его нельзя ничего разсуждать, ибо не имѣлъ онъ случая онаго показать. Можетъ быть, что онъ жребій большей части Французскихъ генераловъ имѣетъ: быть посредственнымъ.

Бершиан есть старшій генералъ-лейтенантъ и, какъ сказываютъ, добрый солдатъ; природою онъ Италіанецъ; сынъ его служитъ въ Тюрпиновомъ полку и будетъ со временемъ изрядный гусаръ.

Индендантъ Пинно-Делюсъ, также комиссары военные, межъ которыми Брисонъ всѣхъ знатнѣе и провіантскіе, всѣ похожи на изрядной родъ Французскихъ кротовъ, которые имѣютъ несказанныя средства деньги въ карманъ себѣ копить и, за своими надутыми щеками оныя нося, въ сундуки сыпать; а о Бриссонѣ сказываютъ, что онъ въ началѣ кампаніи весьма скуденъ былъ, теперь же знаю я, что онъ очень разжился.

Казначей господинъ де-Мовилеръ уже въ лѣтахъ и весьма богатъ; онъ обходится безъ всякихъ чиновъ, но притомъ учтивъ. Онъ же умѣетъ въ своемъ чину гораздо наживаться, да и чинъ казначея при Французской арміи и безъ того предъ нашимъ прибыточнѣе; да ему и больше свободы, нежели у насъ на счетъ арміи деньги въ свой карманъ прятать, изъ чего и слѣдуетъ, что онъ при арміи мало друзей имѣть можетъ.

Графъ Линаръ, посланникъ короля Датскаго, которой довольное время во Французской главной кватирѣ находился, еще въ лучшихъ своихъ лѣтахъ. Заключенная въ Бременфердѣ конвенція была плодомъ его старательства. Онъ человѣкъ великаго проницанія, да и въ самой той наукѣ, которая чину его не принадлежитъ. Онъ перевелъ Павлиніановы письма, коихъ уже двѣ части изданы; также извѣстна изрядно сочиненная имъ рѣчь, при случаѣ постановленія реформатскаго проповѣдника въ Глюкштадѣ, гдѣ онъ церковнымъ кураторомъ избранъ былъ. Сей господинъ писалъ къ королю Прускому, прося позволенія къ нему пріѣхать и привезти съ собою мирныя предложенія. На что ему король отвѣтствовалъ, что ему весьма пріятно будетъ не токмо прибытіе его, но и о мирныхъ предложеніяхъ слышать, токмо не о такихъ, чтобъ принужденъ былъ онъ деньги за падень земли терять; однакожъ онъ Линаръ почелъ, что дорого будетъ сей путь воспріять, для учиненія напрасныхъ старательствъ.

Маіоръ Фишерова корпуса фонъ-Гоймъ, о которомъ я для

того здѣсь упоминаю, что онъ нынѣ подданнымъ короля Прускаго сдѣлался, получа отъ Брауншвейскаго господина фонъ-Гойма въ наслѣдство лежащую при Остервикѣ деревню Роденъ и принадлежа потому къ Гальберштатскимъ земскимъ чинамъ. Собою малъ, плотенъ, хорошаго нрава и столь честенъ, сколько наѣзднику быть можно. Онъ доставлялъ намъ по возможности всякое облегченіе, а можетъ быть между прочимъ въ намѣреніи пріобрѣсть себѣ дружбу земскихъ чиновъ.

Во Французской арміи находится ужасное множество генераловъ и офицеровъ. Княжество Гальберштадское имѣетъ почти всю силу короля Французскаго. Обозъ при арміи бываетъ великъ, и потому содержаніе онаго въ кампаніи становится дорого, а притомъ происходятъ отъ онаго несказанныя препятствія и по большей части главныя причины всякаго безпорядка. Множество служителей заключаютъ въ себѣ и множество сброду, которой по часту областямъ великія озорничества чинитъ. Гальберштадтъ спозналъ то бывшимъ надъ собою примѣрамъ. Мы можемъ похвалиться, что мы изъ всѣхъ знатныхъ домовъ подлинно по одному сыну въ здѣшней Французской арміи, а притомъ и всѣхъ почти Парижскихъ нищихъ между служителями видали. Послѣдніе бредутъ за арміею изъ одного хлѣба и не упускаютъ никогда случая гдѣ бы грабежемъ поживиться, на противъ чего первые любятъ роскошь и великолѣпіе.

Въ домахъ Прускихъ генераловъ видно, что всѣ къ службѣ принадлежатъ, а у Французскихъ генераловъ дѣлаются такія вооруженія, какъ бы они трактирщики были. Невозможно прожорства описать: ибо для сдѣланія двору при трактаментѣ чести надлежитъ надежно положить, что двѣ деревни живностью и скотомъ для того разграблены. Офицеры по большей части люди пріятные и въ обхожденіи хороши. Французскій темпераментъ, живость веселаго духа и остроты, что часто принужденное бываетъ, видѣнъ въ нихъ почти во всѣхъ. Половина изъ нихъ къ Пруссіи доброжелательна; а къ королю нашему имѣютъ они такое почтеніе, что они его именуютъ, когда какого великаго генерала назвать хотятъ.

Орденъ святаго Людовика, которой уже много крови стоилъ

и отличнымъ истиннаго католика знакомъ быть имѣетъ, привѣшенъ однако по часту на Гугенотской груди, а впрочемъ оной въ арміи весьма общій.

Лейбъ-гвардія маршальская состоитъ изъ выборныхъ и большихъ людей, но не можетъ однакожъ съ Прускою сравнена быть. Мундиръ ея красный и богато серебрянымъ позументомъ выкладенъ.

Конница ихъ есть главною и знатнѣйшею частью ихъ арміи. Находятся въ оной по большей части старые и искусные люди хорошаго поведенія, и имѣютъ они добрыхъ лошадей. Мундиръ у нихъ голубой, а у жандармовъ красной.

Драгуновъ никакъ сравнять не можно съ Прускими; они наблюдаютъ худую дисциплину: мундиръ у нихъ голубой.

О гусарахъ сказать коротко, что они плохи. Мундиръ у нихъ разной. Полкъ Турпинскій у нихъ наилучшій и имѣетъ голубой мундиръ.

Фландерскіе волонтеры по большей части люди хорошіе, да и не дѣлаютъ такихъ наглостей какъ гусары. Они носятъ каскеты съ перьями. Но порочатъ ихъ, якобы подъ желѣзными шапками нѣтъ никакого сердца. Мундиръ у нихъ темносиній.

Французскіе гранодеры составляютъ также наличную силу всей пѣхоты. Они взрачные люди, почему и каждый Французъ всегда въ третьемъ словѣ говоритъ уже или о Парижѣ, или же о своихъ гранодерахъ. Мундиръ у нихъ темносиній и мѣдвѣжьи шапки.

Вся пѣхота ихъ худа; мундиръ у нея бѣлой.

Различіе полковъ состоитъ въ карманахъ и въ числѣ пуговицъ. Чего ради и всегда невозможно было, при учиненныхъ продерзостяхъ, полкъ найти и виновнаго предъявить.

Каждая рота состоитъ изъ сорока человѣкъ, а цѣлый полкъ изъ четырехъ сотъ человѣкъ.

Дисциплина во Французской арміи весьма плоха; ихъ воинскія движенія весьма мѣшкатны и во многомъ излишни. Потому часто у нихъ недостатокъ въ чемъ либо существительномъ. Но вообще они порядку не имѣютъ; кто Прускія войска видалъ, тому оные несносны.

Артилерія ихъ изрядна, и ихъ инженеры искусные люди. Мундиръ у нихъ темносиневатой съ красными камзолами.

Ружья у пѣхоты коротки и легки, равно какъ и штыки. Знаки у офицеровъ маленькіе, плохи и сдѣланы только изъ мѣди, безъ украшенія. Шпаги у пѣхоты нарочито длинны, и необходимо въ баталіи препоною. Они носятъ ихъ на Французскую стать, на портупеѣ чрезъ плечо. Барабаны ихъ деревянные, и звонъ отъ нихъ деревянный. Вся Французская пѣхота башмаки носитъ по Французскому маперу безъ каблуковъ. Такіе башмаки весьма способны къ ретирадѣ.

При Французской арміи также въ обыкновеніи находятся сальвогвардіи, которыя вымышлены для того, чтобъ субтильнымъ образомъ деньги наживать, но оныя и сатирою служатъ ихъ славѣ; ибо чрезъ то, власно какъ бы предварительно, объявляется, что намѣренія нѣтъ дисциплину наблюдать, которая въ регулярныхъ войскахъ обыкновенна, и такъ они подданныхъ противу себя самихъ защищать хотятъ.

Гальберштадскому княжеству стоили тѣ сальвогвардіи нѣсколько тысячъ талеровъ. Со всѣмъ тѣмъ сія безопасность была пустая; вся армія дюка де-Ришелье была нашею сальвогвардіею. Она же и самая та, которая княжество наше разграбила и, уничтожа сальвогвардіи имя, своего маршала въ огонь бросала, говоря: вотъ твоя дисциплина и твое обѣщаніе!